

Э. САТТОН

Уолл-стрит и большевицкая революция

<Фрагменты>

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Посвящается
тем неизвестным русским борцам за свободу,
называемым «зелеными», которые в 1919 году
боролись и против красных и против белых
в попытке добиться свободной России*

С начала 1920-х годов многочисленные статьи, брошюры и даже несколько книг пытаются выковать соединительное звено цепи между «международными банкирами» и «большевицкими революционерами». Редко когда эти попытки основывались на убедительных доказательствах и никогда не аргументировались научными методами. Некоторые из «доказательств», использованных при таких попытках, были ложными, другие не имели отношения к делу, многое вообще нельзя было проверить. Теоретики тщательно избегали исследования этого вопроса; вероятно, потому, что он нарушает четкое разделение на капиталистов и коммунистов (каждый, конечно, знает, что они злейшие враги). А так как очень многое из того, что было написано по этому вопросу, граничит с абсурдом, незапятнанная репутация ученого легко могла быть выставлена на посмешище. Причина достаточная, чтобы избегать этой темы.

К счастью, архив Государственного департамента США, в частности фонд 861.00, содержит обширную документацию об этой предполагаемой взаимосвязи. И когда доказательства

из официальных документов соединяются с неофициальными свидетельствами в биографиях, личных документах и житейских историях, — то возникает интересная картина.

Мы обнаруживаем, что действительно существовала взаимосвязь между некоторыми международными банкирами Нью-Йорка и многими революционерами, включая большевиков. Оказывается, джентльмены банковского дела — названные в книге — были кровно заинтересованы в успехе большевицкой революции и «болели» за нее.

Кто, почему и за сколько — об этом и рассказывается в книге.

Энтони Саттон

Март 1974 г.

ГЛАВА 1

Актеры на революционной сцене

Дорогой г-н Президент, я симпатизирую советской форме правления как наиболее подходящей для русского народа...

*Из письма президенту США
Вудро Вильсону (17 октября 1918 г.)
от Уильяма Лоренса Саундера,
президента корпорации «Ингерсолл-Рэнд»,
директора корпорации «Америкэн
Интернэшнл» и вице-председателя правления
Федерального резервного банка Нью-Йорка*

Фронтиспис этой книги нарисован в 1911 году карикатуристом Робертом Майнором¹ для «Сент-Луис пост диспэтч». Майнор был талантливым художником и писателем, под личиной которого скрывался большевик-революционер; в 1915 году он был арестован в России по обвинению в подрывной деятельности и позже вызволен видными финансистами Уолл-стрита. Карикатура Майнора изображает бородатого сияющего Карла Маркса, который стоит на Уолл-стрит с книгой «Социализм» подмышкой и принимает поздравления от фи-

нансовых светил: Дж. П. Моргана, его партнера Джорджа У. Перкинса, самодовольного Джона Д. Рокфеллера, Джона Д. Райана из «Нэшнл Сити Бэнк» и на втором плане — Тедди Рузвельта², заметного своими знаменитыми зубами. Уолл-стрит украшена красными флагами. Ликующая толпа и взлетающие в воздух шляпы намекают, что Карл Маркс был весьма популярен у финансистов Нью-Йорка.

Были ли это грезы Роберта Майнора? Совсем нет. Мы увидим, что Роберт Майнор имел солидные основания отразить этот восторженный союз Уолл-стрита и марксистского социализма. Персонажи карикатуры — Карл Маркс (символизирующий будущих революционеров Ленина и Троцкого), Дж. П. Морган, Джон Д. Рокфеллер, а также и сам Майнор — и являются действующими лицами данной книги.

Парадокс, изображенный на карикатуре Майнора, был скрыт под покровом истории, ибо не укладывался в общепринятое понятие политического спектра — от левых до правых. Большевики находились на левом его краю, а финансисты Уолл-стрита — на правом; поэтому подразумевалось, что у этих двух групп нет ничего общего и любой союз между ними является абсурдом. Факты, противоречащие этой концепции, обычно отбрасываются как натяжки или недоразумения. Тем не менее, современная история обладает внутренней двойственностью, и поскольку слишком много неудобных фактов было отброшено или скрыто, такая историография — неточна.

С другой стороны, можно заметить, что крайне правый и крайне левый фланги традиционного политического спектра являются абсолютными коллективистами. Национал-социалист (например, фашист) и интернационал-социалист (например, коммунист) одинаково насаждают тоталитарные политико-экономические системы, основанные на неограниченной власти и принуждении индивидуума. Обе эти системы требуют монопольного контроля над обществом. Монополизм в промышленности был когда-то целью Дж. П. Моргана и Дж. Д. Рокфеллера, но к концу XIX века жрецы Уолл-стрита поняли, что наиболее эффективный путь к завоеванию непоколебимой монополии заключается в том, чтобы «пойти

в политику» и заставить общество работать на монополистов под вывеской общественного блага и общественных интересов. Эта стратегия была детализирована в 1906 году Фредериком К. Хау³ в его книге «Признания монополиста»*. Хау, кстати, также является одной из заметных фигур в истории большевицкой революции.

Альтернативным концептуальным пакетом политико-экономических систем и идей было бы определение степени индивидуальной свободы и степени противостоящего ей централизованного политического контроля. При таком подходе капиталистическое государство всеобщего благосостояния и социализм находятся на одном краю спектра. Отсюда мы видим, что попытки монополизировать контроль над обществом могут иметь разные названия и в то же время обладать общими характеристиками.

Следовательно, препятствием для верного понимания современной истории является представление, что капиталисты — заклятые и непреклонные враги марксистов и социалистов. Это ошибочное представление исходит от Карла Маркса и, несомненно, оно соответствовало его целям. Фактически же оно неверно. Существовала и существует неразрывная, хотя и скрываемая взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами — к их взаимной выгоде. Эта связь осталась незамеченной в основном потому, что историки, за редкими исключениями, имеют неосознанную марксистскую направленность и таким образом замыкаются на невозможности существования такой взаимосвязи. Свободно же мыслящий

* «Существуют правила большого бизнеса. Они заменяют поучения наших родителей и сводятся к простой формуле: получи монополию, заставь общество работать на тебя и помни, что лучшим видом бизнеса является политика, ибо законодательная дотация, франшиза, субсидия или освобождение от налогов стоят больше, чем месторождение в Кимберли или Комстоке, так как первые не требуют для своего использования ни умственного, ни физического труда» (*Frederick C. Howe. Confessions of a Monopolist. Chicago: Public Publishing. 1906, p. 157*).

читатель должен иметь два ключа к ее разгадке: 1) капиталисты-монополисты являются злейшими врагами свободного предпринимательства, и 2) с учетом неэффективности централизованного планирования при социализме, тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти. Предположим, и в данный момент это только гипотеза, что американские капиталисты-монополисты смогли низвести плановую социалистическую Россию до статуса порабощенной технической колонии. Не будет ли это логическим интернационалистским продолжением в XX веке монополии Моргана в области железных дорог или нефтяного треста Рокфеллера конца XIX века?

Кроме Габриэля Колко, Мюррея Ротбарда⁴ и ревизионистов, никого из историков не насторожила такая комбинация событий. Историографии, за редкими исключениями, было навязано разделение на капиталистов и социалистов. Монументальное и легко читаемое исследование Джорджа Кеннана⁵ о русской революции настойчиво поддерживает эту фикцию о противоположности Уолл-стрита и большевиков*. Его книга «Россия выходит из войны» содержит единственную случайную ссылку на фирму Дж. П. Моргана и не содержит ни одной ссылки на компанию «Гаранти Траст». Но обе эти организации широко упоминаются в архивных документах Государственного департамента, на которые я часто ссылаюсь в этой книге, и обе они дают основания для рассмотрения здесь соответствующих доказательств.

Ни сознавшийся «большевицкий банкир» Улоф Ашберг⁶, ни «Ниа Банкен» из Стокгольма не упоминаются у Кеннана, хотя они и сыграли главную роль в финансировании большевиков. Более того, в некоторых важных обстоятельствах, по крайней мере, важных для нашей аргументации, Кеннан

* *George F. Kennan. Russia Leaves the War. New York: Atheneum, 1967; Decision to Intervene: Soviet-American Relations, 1917–1920 (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958.*

ошибается и фактически. Например, он пишет, что директор Федерального резервного банка Уильям Бойс Томпсон⁷ уехал из России 27 ноября 1917 года. Эта дата отъезда делает невозможным пребывание Томпсона в Петрограде 2 декабря 1917 года, когда он передал по телеграфу Моргану в Нью-Йорк запрос на 1 миллион долларов. На самом деле Томпсон уехал из Петрограда 4 декабря 1917 года, через два дня после отправки телеграммы в Нью-Йорк. Далее, Кеннан заявляет, что 30 ноября 1917 года Троцкий произнес речь перед Петроградским советом, в которой заметил: «Сегодня у меня в Смольном институте были два американца, тесно связанных с капиталистическими элементами...» По мнению Кеннана, «трудно себе представить», кто «мог быть этими двумя американцами, если не Робине и Гомберг». Но, на самом деле, Александр Гомберг был русским, а не американцем. А так как Томпсон 30 ноября 1917 года все еще находился в России, то двумя американцами, которые посетили Троцкого, скорее всего были Раймонд Робине, учредитель горнопромышленных компаний, превратившийся в благодетеля, и Томпсон из Федерального резервного банка Нью-Йорка.

О большевизации Уолл-стрита было известно хорошо информированным кругам еще в 1919 году. Журналист Баррон, специализирующийся на финансовых темах, записал в 1919 году беседу с нефтяным магнатом Э. Х. Доухини и особо выделил трех видных финансистов — Уильяма Бойса Томпсона, Томаса Ламонта и Чарльза Р. Крейна⁸:

«Борт парохода “Аквитания”,
вечер в пятницу, 1 февраля 1919 года.

Провел вечер с семьей Доухини в их каюте. Г-н Доухини сказал: “Если вы верите в демократию, вы не можете верить в социализм. Социализм это яд, который разрушает демократию. Демократия означает возможность для всех. Социализм же дает надежду, что человек может бросить работу и быть богаче. Большевизм является истинным плодом социализма, и если вы прочтете интересное показание в сенатском комитете примерно в середине января, которое изблочило всех этих пацифистов

и миротворцев как симпатизирующих немцам, как социалистов и большевиков, вы увидите, что в колледжах США большинство профессоров преподает социализм и большевизм и что 52 профессора колледжей состояли в 1914 году в так называемых комитетах защиты мира. Президент Элиот из Гарварда преподает большевизм. Самыми отъявленными большевиками в США являются не только профессора колледжей, один из которых президент Вильсон, но и капиталисты и жены капиталистов — и кажется, никто не знает, о чем они говорят. Уильям Бойс Томпсон преподает большевизм, он может обратиться в свою веру Ламонта из фирмы “Дж. П. Морган & Компани”. Вандерлип — большевик, Чарльз Р. Крейн — тоже. Многие женщины присоединяются к их движению, и ни они, ни их мужья не знают, что это и к чему это приведет. Еще один — это Генри Форд⁹, а также большинство из тех ста историков, которых Вильсон взял с собой за границу в идиотской надежде, что история научит молодежь правильно разграничивать расы, народы и страны с географической точки зрения”^{*}.

Короче говоря, в этой книге предлагается история о большевицкой революции и ее последствиях, но история, которая расходится с традиционно упрощенным подходом «капиталисты — против коммунистов». В нашей истории утверждается партнерство международного монополистического капитализма и международного революционного социализма, направленное к их взаимной выгоде. Итоговую же человеческую цену за этот союз пришлось заплатить простым русским людям и простым американцам. В результате этих маневров монополистов в сфере политики и революции предпринимательство получило дурную славу, и мир подталкивали к неэффективному социалистическому планированию.

Эта история вскрывает также предательство российской революции. Цари и их коррумпированная политическая система были сброшены лишь для того, чтобы быть замененной посредниками власти новой коррумпированной политической системы. США могли оказать доминирующее влияние для ос-

^{*} *Arthur Pound and Samuel Taylor Moore. They Told Barron. New York: Haiper & Brothers, 1930, p. 13–14.*

вобождении России, но они уступили амбициям нескольких финансистов с Уолл-стрит, которые ради собственных целей могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию. Причины этого вскроются, когда мы проследим до сих пор не рассказанную историю русской революции и ее последствий...*

ГЛАВА 3

Ленин и германская помощь большевикам

Только после того, как большевики получили от нас постоянный поток средств по различным каналам и под разными этикетками, они оказались в состоянии создать свой главный орган — «Правду», вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии.

Фон Кюльман¹⁰,
министр иностранных дел Германии,
из письма кайзеру от 3 декабря 1917 года**

В апреле 1917 года Ленин и группа из тридцати двух российских революционеров, главным образом большевиков, проследовала поездом из Швейцарии через Германию

* Существует параллельная, и также неизвестная, история движения махновцев, которые воевали и с «белыми», и с «красными» в Гражданскую войну 1919–1920 (см.: *Voline. The Unknown Revolution. New York: Libertarian Book Club, 1953*). Было также движение «зеленых», которое воевало и против белых, и против красных. Автор никогда не встречал даже отдельных упоминаний о «зеленых» ни в одной истории большевицкой революции. А армия зеленых насчитывала не менее 700 000 человек.

** Небольшая неточность: это письмо фон Кюльмана, статс-секретаря иностранных дел (функции министра исполнял рейхсканцлер), адресовано не лично кайзеру, а представителю Министерства иностранных дел при Ставке (см.: *Germany and the Revolution, in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z. A. V. Zeman. London. 1958. P. 94*). — *Примеч. ред. «РИ»*.

и Швецию в Петроград. Они находились на пути к соединению с Львом Троцким для «завершения революции». Их транзит через Германию одобрил, организовал и финансировал германский Генеральный штаб. Транзит Ленина в Россию был частью плана, утвержденного германским верховным командованием и, очевидно, непосредственно не известного кайзеру, с целью развала русской армии и тем самым — устранения России из первой мировой войны. Мысль о том, что большевики могут быть направлены против Германии и Европы, не возникала в германском Генеральном штабе. Генерал-майор Хофман¹¹ писал: «Мы не знали и не предвидели опасности человечеству от последствий этого выезда большевиков в Россию»*.

Германским политическим деятелем, который на высшем уровне одобрил проезд Ленина в Россию, был канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег¹², отпрыск франкфуртской семьи банкиров Бетманов, достигших большого процветания в XIX веке. Бетман-Гольвег был назначен канцлером в 1909 году, а в ноябре 1913 года стал субъектом первого вотума недоверия, когда-либо принимавшегося германским Рейхстагом в отношении канцлера. Именно Бетман-Гольвег в 1914 году сказал миру, что германская гарантия Бельгии была просто «клочком бумаги». И по другим военным вопросам, например, неограниченным военным действиям подводных лодок, Бетман-Гольвег проявлял двусмысленность: в январе 1917 года он сказал кайзеру: «Я не могу дать Вашему Величеству ни моего согласия на неограниченные военные действия подводных лодок, ни моего отказа». К 1917 году Бетман-Гольвег утратил поддержку Рейхстага и вышел в отставку, но до того он уже одобрил транзит большевицких революционеров в Россию. Указания Бетмана-Гольвега о транзите были переданы через статс-секретаря Артура Циммермана, который подчинялся непосредственно Бетману-Гольвегу и в начале апреля 1917 года по дням раз-

* *Max Hoffman*. War Diaries and Other Papers. London: M. Seeker, 1929, 2. p. 177.

рабатывал детали операции с германскими посланниками в Берне и Копенгагене. Кайзер же не был информирован о революционном движении до тех пор, пока Ленин не приехал в Россию.

Хотя сам Ленин и не знал точного источника оказываемой ему помощи, он, конечно, знал, что германское правительство обеспечивает какое-то финансирование. Существовали, однако, промежуточные связи между германским министерством иностранных дел и Лениным, что видно из следующего:

Переброска Ленина в Россию в апреле 1917 года

Окончательное решение — Бетман-Гольвег (канцлер).

Посредник I — Артур Циммерман (статс-секретарь).

Посредник II — Брокдорф-Ранцау (германский посланник в Копенгагене).

Посредник III — Александр Израэль Гельфанд (он же Парвус).

Посредник IV — Яков Фюрстенберг (он же Ганецкий).

[Исполнитель] Ленин в Швейцарии

Из Берлина Циммерман и Бетман-Гольвег сообщались с Брокдорфом-Ранцау, германским посланником в Копенгагене. В свою очередь, тот был в контакте с Александром Израэлем Гельфандом (более известен по своему псевдониму — Парвус¹³), который находился в Копенгагене*. Парвус поддерживал связь с Яковом Фюрстенбергом, поляком из богатой семьи, более известным под псевдонимом Ганецкий¹⁴. А Яков Фюрстенберг был непосредственно связан с Лениным. Хотя канцлер Бетман-Гольвег и был конечной инстанцией по разрешению переезда Ленина и хотя Ленин, вероятно, знал о германских источниках этой помощи, Ленина нельзя назвать германским агентом. Германское министерство иностранных дел оценивало предполагаемые действия Ленина в России как совпадаю-

* Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau. *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924*. New York: Oxford University Press, 1965.

щие с их собственными целями по разложению структуры российской власти. Обе стороны имели еще и скрытые цели: Германия хотела приоритетного доступа к послевоенным рывкам в России, а Ленин намеревался установить в ней марксистскую диктатуру. Идея использования с этой целью российских революционеров может быть прослежена с 1915 года, когда 14 августа Брокдорф-Ранцау написал заместителю статс-секретаря Германии о беседе с Гельфандом (Парвусом) и настоятельно рекомендовал воспользоваться услугами Гельфанда, «исключительно важного человека, чьи необычные возможности, я полагаю, мы должны использовать во время войны...»*. В докладе содержится предостережение: «Быть может, это опасно — использовать силы, стоящие за Гельфандом, но это, конечно, было бы признанием нашей слабости, если бы нам пришлось отказаться от их услуг из страха неспособности руководить ими»**.

Идея Брокдорфа-Ранцау о руководстве или контроле за революционерами соответствовала, как мы увидим, идеям финансистов Уолл-стрита. Именно Дж. П. Морган и «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» пытались контролировать и внутренних и внешних революционеров в США для своих целей.

* Z. A. B. Zeman. *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry* (London: Oxford University Press, 1958. p. 4–5, doc. 5 (Эта идея начала осуществляться раньше. Согласно документам и комментариям в сборнике Земана, первое сообщение о предложении Гельфанда-Парвуса «разжечь резолюцию в России» и «раздробить ее на отдельные части» получено в германском МИДе 9.1.1915; «Меморандум» Парвуса представлен 9.3.1915; выделение Германией первой суммы в 2 миллиона марок Парвусу одобрено 11.3.1915. В следующем документе (от 6.7.1915), приводимом Земаном, тогдашний статс-секретарь Ягов запрашивает «на революционную пропаганду в России» еще 5 миллионов марок. В цитируемом Саттоном письме германского посланника в Копенгагене Брокдорфа-Ранцау (от 14.8.1915) также говорится, что «первую часть своего плана Парвус уже осуществил». — *Примеч. ред. «РИ».*

** Ibid.

В следующем документе* изложены условия, продиктованные Лениным, из которых самым интересным является пункт 7, который разрешал «русским войскам продвинуться в Индию»; предполагалось, что Ленин «готов был» продолжить царскую программу экспансионизма. Составитель документации Земан говорит также о роли Макса Варбурга¹⁵ в создании русского издательства и ссылается на соглашение от 12 августа 1916 года, по которому германский промышленник Стиннес¹⁶ согласился внести два миллиона рублей на финансирование издательства в России**.

Итак, 16 апреля 1917 года железнодорожный вагон с 32 пассажирами, включая Ленина, его жену Надежду Крупскую, Григория Зиновьева, Сокольников¹⁷ и Карла Радека, отправился с центрального вокзала Берна в Стокгольм. Когда группа прибыла на русскую границу, только Фрицу Платтену¹⁸ и Радеку было отказано во въезде. Через несколько месяцев за ними последовали почти двести меньшевиков, включая Мартова и Аксельрода.

Стоит еще раз отметить, что Троцкий, находившийся в то время в Нью-Йорке, также имел средства, следы которых вели к германским источникам. Кроме того, фон Кюльман намекает на неспособность Ленина расширить базу его большевицкой партии без предоставления денег немцами. Троцкий был меньшевиком, который превратился в большевика только в 1917 году. Это наводит на мысль, что, возможно, немецкие деньги побудили Троцкого сменить свою партийную принадлежность***.

* Ibid, p. 6, doc. 6 (документ, сообщающий о беседе с эстонским посредником Кескюлой).

** Z. A. B. Zeman. *Germany and the Revolution...*, p. 92, n. 3. (Составитель указанного сборника Земан, ссылаясь на какие-то известные ему документы, пишет в этой связи: «Вероятно, что часть этих денег, предназначенных для оказания влияния на русскую печать в пользу Германии и установления мира, попала... в социал-демократическую газету “Новая жизнь” Максима Горького». — *Примеч. ред. «РИ»*).

*** Л. Троцкий в 1903 г. порвал с Лениным, а в 1904 г. вышел также из фракции меньшевиков и занял промежуточное положение между

Документы Сиссона

В начале 1918 года Эдгар Сиссон, представитель в Петрограде от Комитета США по общественной информации, купил кипу русских документов, якобы доказывающих, что Троцкий, Ленин и другие большевики-революционеры не только были на содержании германского правительства, но и являлись его агентами.

Эти документы, впоследствии названные «документами Сиссона», были отправлены в США в большой спешке и секретности. В Вашингтоне они были представлены в Национальный совет исторических служб для определения подлинности. Два видных историка, Дж. Франклин Джеймсон и Сэмюэл Н. Харпер, засвидетельствовали их подлинность. Эти историки разделили документы Сиссона на три группы. В отношении группы I они сделали следующий вывод: «Соблюдая большую осторожность, мы подвергли их всевозможным проверкам, которые известны исследователям-историкам, и... на основании этих исследований без колебаний заявляем, что мы не видим причины сомневаться в подлинности этих 53-х документов»*.

Менее уверенно эти историки высказались в отношении материалов группы II. Эта группа не была ими опровергнута как явная подделка, но они высказали предположение, что это копии с оригиналов. По документам группы III историки хотя не сделали «уверенного заявления», все же не были готовы опровергнуть их как поддельные.

Документы Сиссона были опубликованы Комитетом США по общественной информации, председателем которого был

ними. Стремясь к объединению тех и других, он действовал с самостоятельной группой. Вернувшись в послефевральскую Россию Троцкий стал сотрудничать с Лениным, чему, видимо, более всего способствовал общий источник денег. Подробнее см. в послесловии издателя. — *Примеч. ред. «РИ».*

* U. S. Committee on Public Information. The German-Bolshevik Conspiracy, War Information Series, no. 20, October 1918.

Джордж Крил, ранее писавший для пробольшевицкого издания «Массы». Американская пресса в целом восприняла документы как подлинные. Заметным исключением была газета «Нью-Йорк ивнинг пост», которой в то время владел Томас У. Ламонт, партнер фирмы Моргана. Уже когда было опубликовано всего лишь несколько текстов, эта газета оспорила подлинность всех документов*.

Теперь мы знаем, что почти все документы Сиссона были поддельными, и только один или два маловажных германских циркуляра — подлинные. Даже из поверхностного обследования германского бланка становится ясно, что лица, изготавлившие эти подделки, были крайне неосторожными, возможно работая на легковверный американский рынок. Немецкий текст усыпан ошибками, граничащими со смешным: например. Bureau вместо немецкого слова Buro; Central вместо Zentral и т. д.

То, что эти документы — подделки, выяснилось в результате обширного исследования Джорджа Кеннана** и исследований, проведенных в 1920-х годах британским правительством. Некоторые документы основывались на подлинной информации, и, замечает Кеннан, те, кто подделывал их, определенно имели доступ к какой-то необычно надежной информации. Например, в документах 1, 54, 61 и 67 упоминается, что «Ниа Банкен» в Стокгольме использовался в качестве канала для направлявшихся большевикам германских денег. Это подтверждается и в более надежных источниках. В документах 54, 63 и 64 упоминается Фюрстенберг как банкир-посредник между немцами и большевиками; имя Фюрстенберга встречается также и в подлинных документах. В документе 54 упомянут Улоф Ашберг, а он, по его собственным заявлениям, был «банкиром большевиков». Ашберг в 1917 году был директо-

* New York Evening Post, September 16–18, 21; October 4, 1918. Также интересно, хотя и ничего не доказывает, что и большевики упорно ставили под сомнение подлинность этих документов.

** George F. Kennan. The Sisson Documents. Journal of Modern History 27–28 (1955–1956): 130–154.

ром «Ниа Банкен». В других документах из подборки Сиссона упоминаются такие учреждения и имена как Германский нефтепромышленный банк, «Дисконто-Гезельшафт», банкир из Гамбурга Макс Варбург, но доказательства в подкрепление этих утверждений менее твердые. В общем, документы Сиссона хотя и являются подделкой, тем не менее частично основаны на подлинной информации.

Загадочным аспектом в свете содержания нашей книги является то, что эти документы попали к Эдгару Сиссону от Александра Гомберга (он же Берг, настоящее имя — Михаил Грузенберг), большевицкого агента в Скандинавии, а позднее — доверенного лица в «Чейз Нэшнл бэнк» и у Флойда Одлума из корпорации «Атлас». С другой стороны, большевики резко отвергли материалы Сиссона. Это сделал Джон Рид, американский представитель в исполкоме Третьего Интернационала, чей платежный чек поступил от принадлежавшего Дж. П. Моргану журнала «Метрополитэн»*. Это сделал и партнер Моргана Томас Ламонт, владелец газеты «Нью-Йорк ивнинг пост». Тут есть несколько возможных объяснений. Вероятно, связи между кругами Моргана в Нью-Йорке и такими агентами, как Джон Рид и Александр Гомберг, были очень гибкими. Подбрасывание поддельных документов могло быть приемом Гомберга для дискредитации Сиссона и Крила; также возможно, что Гомберг работал в своих собственных интересах.

Документы Сиссона «доказывают», что исключительно немцы были связаны с большевиками. Они также использовались для «доказательства» теории еврейско-большевицкого заговора в соответствии с «Сионскими протоколами». В 1918 году правительство США захотело повлиять на мнение американцев после непопулярной войны с Германией, и документы Сиссона, драматически «доказывая» исключительную связь Германии с большевиками, обеспечивали дымовую завесу, скрывая от общества те события, которые описываются в этой книге.

* *John Reed*. The Sisson Documents. New York: Liberator Publishing, n.d.

Перетягивание каната в Вашингтоне*

Изучение документов в архиве Государственного департамента наводит на мысль, что Госдепартамент и посол США Фрэнсис в Петрограде были очень хорошо информированы о намерениях и развитии большевицкого движения. Летом 1917 года, например, Государственный департамент решил прекратить отъезд из США «вредных лиц» (т.е. возвращающихся в Россию революционеров), но не смог этого сделать, так как те использовали новые российские и американские паспорта. Подготовка же к самой большевицкой революции была хорошо известна по крайней мере за шесть недель до того, как она произошла. Один отчет в архиве Государственного департамента так говорит о силах Керенского: «сомнительно, сможет ли правительство... подавить восстание». В сентябре и октябре сообщалось о распаде правительства Керенского и о большевицких приготовлениях к перевороту. Британское правительство предупредило своих граждан в России о необходимости отъезда по крайней мере за шесть недель до начала большевицкой фазы революции. Первый полный отчет о событиях начала ноября поступил в Вашингтон 9 декабря 1917 года. В этом отчете описан низкий уровень самой революции, упомянуто, что генерал Уильям В. Джудсон нанес несогласованный визит Троцкому, и говорится о присутствии немцев в Смольном — штаб-квартире Советов.

Президент Вудро Вильсон 28 ноября 1917 года отдал указание не вмешиваться в большевицкую революцию. Это указание явно было ответом на запрос посла Фрэнсиса о Союзной конференции, на которую уже согласилась Великобритания. Государственный департамент считал, что такая конференция бесполезна. В Париже прошли дискуссии между союзниками

* Эта часть книги основана на разделе 861.00 десятичного файла Государственного департамента США, также имеющегося в Национальном архиве в виде рулонов 10 и 11 микрокопии 316.

и полковником Эдвардом М. Хаусом*, который извещал Вудро Вильсона о «длительных и частых дискуссиях о России». Относительно такой конференции Хаус сообщил, что Англия «пассивно желает», Франция настроена «безразлично против», а Италия «активно». Вскоре после этого Вудро Вильсон утвердил телеграмму, подготовленную государственным секретарем Робертом Лансингом, о предоставлении финансовой помощи движению Каледина¹⁹ (12 декабря 1917 года). В Вашингтон просачивались слухи, что «монархисты работают с большевиками, и это подтверждается различными случаями и обстоятельствами», что правительство в Смольном находится под полным контролем германского Генерального штаба и что «многие или большинство из них [то есть большевиков] из Америки». В декабре генерал Джудсон снова посетил Троцкого; это рассматривалось как шаг к признанию Советов Америкой, хотя отчет посла Фрэнсиса от 5 февраля 1918 года, направленный в Вашингтон, включал в себя рекомендации против этого признания. В меморандуме, исходящем от Бэсила Майлса в Вашингтоне, утверждалось, что «мы должны иметь дело со всеми властями в России, включая большевиков». И 15 февраля 1918 года Государственный департамент телеграфировал послу Фрэнсису в Петроград: «Департамент желает, чтобы вы постепенно входили в более тесный и неформальный контакт с большевицкими властями, используя такие каналы, которые будут избегать официального признания».

На следующий день государственный секретарь Лансинг передал послу Франции в Вашингтоне Ж. Ж. Жуссерану следующее: «Считаем нецелесообразным предпринимать какие-либо действия, которые в это время будут вести к вражде с любыми элементами, контролирующими власть в России...»**.

* Полковник Э. М. Хаус был личным другом, советником и представителем президента США Вильсона и тем самым — одной из влиятельнейших фигур в американской официальной и закулисной политике. — *Примеч. ред. «РИ».*

** U. S. State Dept. Decimal File, 861.00/1117a. То же самое сообщение было передано итальянскому послу.

20 февраля 1918 года посол Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон о приближающемся конце большевицкого правления. Через две недели, 7 марта, Артур Буллард сообщил полковнику Хаусу, что Германия субсидирует большевиков и что эти субсидии более существенны, чем считалось раньше. Артур Буллард (из Комитета США по общественной информации) утверждал: «Мы должны быть готовы помочь любому честному национальному правительству. Но люди, или деньги, или оборудование, направленные теперешним правителям России, будут использованы против русских как минимум в такой же степени, что и против немцев»*.

За этим последовало еще одно послание от Булларда полковнику Хаусу: «Я настоятельно не рекомендую оказывать материальную помощь теперешнему правительству России. Кажется, что контроль захватывают темные элементы в Советах».

Но работали и влиятельные противодействующие силы. Еще 28 ноября 1917 года полковник Хаус телеграфировал из Парижа президенту Вудро Вильсону о том, что «исключительно важно», чтобы американские газеты возражали против того, что «Россию следует считать врагом» и «подавить». Затем, в следующем месяце Уильям Франклин Сэндс, исполнительный секретарь контролируемой Морганом «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и друг упоминавшегося ранее Бэсила Майлса, представил меморандум, характеризующий Ленина и Троцкого как нравящихся массам, и настаивал на признании России Соединенными Штатами. Даже американский социалист Уоллинг пожаловался в Государственный департамент на просоветскую позицию Джорджа Крила (из Комитета США по общественной информации), Херберта Своупа и Уильяма Б. Томпсона (из Федерального Резервного Банка Нью-Йорка).

* См. бумаги Артура Булларда (Arthur Bullard) в Принстонском университете.

17 декабря 1917 года в одной московской газете появились нападки на полковника Робинса из Красного Креста и на Томпсона, намекающие на связь между российской революцией и американскими банкирами: «Почему они так заинтересованы в [финансировании] просвещения? Почему деньги были даны социалистам-революционерам, а не конституционным демократам? Ведь можно предположить, что последние ближе и дороже сердцам банкиров».

Статья видит причину этого в том, что американский капитал рассматривает Россию как будущий рынок и таким образом хочет прочно обосноваться на нем. Деньги были даны революционерам потому, что «...отсталые рабочие и крестьяне доверяют социалистам-революционерам. В то время, когда деньги были переданы, социалисты-революционеры были у власти, и предполагалось, что они сохранят контроль над Россией в течение некоторого времени».

Еще одно сообщение от 12 декабря 1917 года, относящееся к Раймонду Робинсу, детализирует «переговоры с группой американских банкиров из миссии Американского Красного Креста»; «переговоры» касались выплаты двух миллионов долларов. Роберт Л. Оуэн, председатель Комитета по банкам и валюте Сената США, связанный с дельцами Уолл-стрита, 22 января 1918 года направил письмо Вудро Вильсону, рекомендуя признать власть большевиков в России де-факто, разрешить направить грузы, остро необходимые России для противостояния германскому влиянию, и создать группу государственной службы в России.

Этот подход получал неизменную поддержку от Раймонда Робинса, находившегося в России. Например, 15 февраля 1918 года в телеграмме от Робинса из Петрограда Дэвисону в Красный Крест в Вашингтоне (и для пересылки Уильяму Б. Томпсону) подчеркивалось, что надо поддерживать большевицкую власть как можно дольше и что новая революционная Россия повернется к США, как только «сломит германский империализм». По мнению Робинса, большевики хотели поддержки от США, а также сотрудничества в реорганизации железных дорог, так что «путем щедрой помощи

и технических консультаций для реорганизации торговли и промышленности Америка может полностью исключить германскую торговлю во время военного равновесия».

Короче, перетягивание каната в Вашингтоне отражало борьбу между, с одной стороны, дипломатами старой школы (такими, как посол Фрэнсис) и государственными служащими низкого уровня и, с другой стороны, финансистами наподобие Робинса, Томпсона и Сэндса с такими их союзниками, как Лансинг и Майлс в Государственном департаменте и сенатор Оуэн в Конгрессе.

